

Сборник прозы

«Сокровенные мысли»

Выпуск 40

Независимое Издательство

Аннотация

«Как только в вашем сознании возникает одна мысль сомнения, земля становится преградой для вас. Как только в вашем сознании возникает одна гневная мысль, огонь начинает обжигать вас. Как только в вашем сознании возникает одна радостная мысль, ветер начинает дуть на вас..» (С)

Мысли - это неотъемлемая часть нашей жизни, мысль руководит нашим сознанием. В сборнике «Сокровенные мысли» мы собрали авторов, проза которых заставит каждого из Вас глубоко окунуться в мир непостижимого, которым мы окружены.

ISBN: 978-1-4475-1931-7

УДК: 1751

Москва 2023

Итоги конкурса

1 место: Марьям Исакова

2 место: Юрка Иванов

Родился, учился, работал, разводился, женился, работал, читал, писал.

3 место: Феечка Ди

Писатель русреала, адепт русской тоски

Содержание

Марьям Исакова	5
Юрка Иванов	9
Феечка Ди.....	17
Оксана Дмитриева.....	26
Михал Саныч	29
Павел Ломовцев (Волхов).....	37
Макс Новиков	58
Николай Ходанов.....	61
Беров	65
Евгения Шведа	71
Софья Максимова	79
Наталья Музыка	81
Ольга Добросинская.....	87
Аве Маковка.....	91
Марина Поскребко	97
Светлана Курицына	99
Контактная информация авторов	106

Марьям Исакова

Летела Ангелом Небесным

Слякотной осенью 1943 года, когда днём земля раскисала от беспрестанных дождей вперемежку со снегом, а ночью на ветру покрывалась ледяной коркой, солдаты на передовой не только смертельно уставали от ежедневных ожесточённых боёв, но и жестоко страдали от непогоды.

В одну из таких ночей, когда линия переднего края сдвинулась и связь оказалась перебитой, солдат - телефонист получил от командира задание найти повреждение и починить его. Молча, отдав честь и повернувшись кругом, телефонист, по имени Файзрахман, собрал свои нехитрые приспособления и в скором времени полз через нейтральную полосу, подтягивая за собой катушку с кабелем.

Позиционная полоса простреливалась скользящими лучами прожекторов. Солдат, прижимаясь к земле, животом чувствовал каждый бугорок, каждый камешек. Он полз, озираясь вокруг. Добравшись до первого убитого, Файзрахман взвалил его на себя и пополз дальше, ощупывая голыми руками холодный провод. Ведь немцы, заметив, постараются его уничтожить, а свои снайперы – добить в случае ранения. Таковы были негласные законы войны.

Мысленно разговаривая сам собой, солдат вспоминал свою работу в немецком плену: как он каждое утро собирал умерших из барачных и свозил на тачке в ров за территорию лагеря. Сначала он их считал, но потом и счёт потерял. Глубокой осенью 1941 года их, русских военнопленных, насчитывалось в одном из филиалов лагеря смерти Освенцим восемьсот человек, а к весне 1942 года осталось больных и немощных - двести человек. Стаскивая голыми руками, тифозные скелеты из медицинского барака, Файзрахман всё-таки выжил, хотя многие доходяги, сборщики трупов на второй – третий день уже не откликались на утренней лагерной перекличке. Пленённый солдат благодарил Аллаха, что он продлевает дни его жизни. Сейчас, думая об убитом немце, который служил ему защитой и щитом, - благодарил Аллаха за это. Окоченевший немец, ещё не издавал трупного запаха. Солдат прикладывал невероятные усилия, чтобы тащить неподвижное тело вперёд.

После утомительно медленного передвижения вдоль нейтральной полосы, связистом овладела страшная усталость. Не от тяжёлого трупа немца, с которым он слился в единое тело, а от чувства безысходности на поле боя, где он один, где справа и слева его ожидает смерть. От снайперских выстрелов тело убитого немца содрогалось. Файзрахман, как опытный боец, отсчитывал время на перезарядку снайперской винтовки и

старался двигаться только между выстрелами. Увидев невдалеке воронку, боец решил спрятаться и передохнуть.

Солдат встретил войну в первый же её день в пограничном отряде в Белостоке. После долгих дней отступления он и ещё горстка солдат попали в окружение. Однажды голодных и уставших окруженцев хозяин какого-то хутора приютил на ночлег, а наутро сдал местным полициям.

Пленение. Польша, Освенцим...

Самым жестоким в плену было наказание шомполами. Перед строем кладут тебя голого на плаху, крепко предварительно связав руки и ноги. От первых пяти ударов тело корчится, извивается от нестерпимой боли, кричишь, пока не пересохнет в горле. Кожа лопается, стекает кровь, немеет тело. Тупо считаешь удары и уже на пятнадцатом – шестнадцатом ударе лишаешься способности чувствовать. После двадцати пяти ударов обливают водой. Сотоварищи из блока волоком тащат тебя и укладывают на нары. К утру если поднимешься к построению - будешь жить. Когда Файзрахман очнулся, его выручил сосед по нарам: предложил кусочек комкового сахара, благодаря живительной силе которого удалось подняться.

Унижали в плену настолько, что человек превращался в животное, лишь бы выжить. Бывало и такое. Отбирали среди военнопленных колхозников на сельскохозяйственные работы для польских помещичьих хуторов. По прибытию в хутор, управляющий объявлял, что русских не потребно кормить, они и так своруют. Ночевали в сарае вместе с животными, украдкой пили сырые яйца, а лакомством на ужин была тёплая варёная брюква, которую вылавливали в лохани для свиней. Недовольные свиньи громко хрюкали и в борьбе за пищу могли откусить человеку пальцы...

Пройдя все круги ада, солдат смог выжить. Более того, ему с группой военнопленных удалось бежать. Но радость воссоединения со своими омрачилась унижениями и избиениями на допросах в СМЕРШе – такими же, какие он испытал в плену. Так много пришлось пережить в двадцать четыре года!

Однако солдат никогда не жаловался, а напротив, смиренно благодарил Аллаха за то, что живой. Но, временами тяжесть былых испытаний становилась невыносимой. А тут ещё вражеский снайпер выпускал откуда-то из темноты смерть на его поиски. Определив рост немца в три аршина, солдат прикинул, что до того бугорка, где затаилась воронка, ему придётся тянуть и проталкивать свой щит вперёд семь раз.

... Сбросив отяжелевшего немца, с которым ему пришлось преодолеть нелёгкий путь, боец передохнул немного и осторожно, перекатом, сначала сам перебрался, следом, и свои приспособления связи перебросил в воронку через бруствер. Оказавшись на дне воронки, наткнулся он на что-то мягкое, тёплое. На миг в сознании затеплилась слабая надежда: живой человек! Гнетущая безысходность сменилась радостью, что здесь свой, товарищ по несчастью, такой же заплутавший в темноте. С ним

можно перекинуться парой слов, а если нужна помощь, то помочь ему – тоже доброе дело.

... Она лежала на дне воронки. Дрожащими руками прикрывала окровавленный живот. Через боль, озноб, страдания возвращалась девушка - санитарка к теплящейся жизни и что-то бормотала.

- Жива, сестричка! – радостно и ободряюще обратился к ней солдат. Она кивнула подбородком и слабым движением коченеющих пальцев попыталась позвать к себе. Солдат сноровистым движением снял шинель с рядом лежащего убитого и укрыл ею раненую санитарку. Файзрахман умом понимал, что девушка умирает, с таким ранением ей не выжить. Но ему так хотелось помочь, обогреть её своим теплом, облегчить своим присутствием её боль, с которой она мучилась одна в этой крошечной темноте. На какой-то миг всё улетучилось: все тяготы, что его терзали, исчезли - словно и войны-то нет вокруг, а во всей Вселенной - он и она. Раненая девушка тоже почувствовала его душевное состояние и желание чем-то помочь ей. Попыталась улыбнуться. А Файзрахман и слов-то не мог подобрать красивых и ласковых, настолько его душа очерствела за эти годы.

- Не горюй, не грусти, я вернусь за тобой...

Это всё, что он смог выдавить из себя. Боец склонился над её лицом, пытаясь дыханием обогреть девушку.

Как подстреленная птица, она теряла сознание и снова возвращалась к жизни. Бледными, искусанными губами медленно прошептала:

- Закрой мне глаза!..

Солдат торопливо кивнул, опять ободряюще улыбнулся сестричке, вытер ладонь о шинель и осторожно прикоснулся к щеке девушки. Её губы задрожали в последнем предсмертном вздохе и неподвижно застыли. Остекленевшие глаза молодой девушки настолько поразили Файзрахмана, что он долго, как ему казалось, не мог закрыть их. В них он прочитал и благодарность, и надежду, и какое-то спасение для себя. Аккуратно он закрыл глаза погибшей санитарке и шинелью обернул ей голову.

Собираясь двигаться дальше, связист оглянулся, чтобы проститься. Неподвижное тело девушки, распластанное на мокрой земле, было похоже на жертву досужего охотника, которому лень было искать подбитую добычу.

Водрузив на спину катушку, солдат выбрался из воронки, осмотрелся по сторонам и снова пополз налаживать связь.

Вдруг в ладонях бойца появилось странное чувство: будто он и не отпускал нежной девичьей щеки и волшебных век; будто он всё ещё гладит их. На какое-то время ему показалось, что она пару раз мелькнула перед его глазами: летела впереди него, обернулась и взглядом поманила его к себе. Он повиновался. Что-то заставило его встать и бежать прямо на минное поле. Какая-то неведомая сила, точно на крыльях, тащила его. Ноги бежали сами, а в теле чувствовалась лёгкость, окрылённость своей смелостью и

удалью. Словно он не петляет заячьими прыжками между минами, а порхает, гонимый лишь одной мыслью: дойти, протянуть за собой кабель, пока крошечная мгла ещё не рассеялась!..

... Связист лежал в своей траншее в ожидании следующего распоряжения командира. В сладкой полудрёме боец уловил мерцающий взгляд давешней раненой санитарки, дарящий тепло и спокойствие.

Миг – и всё улетучилось. От испуга солдат резко встрепенулся. Подобрал ноги под себя. Обнял их, положив, голову на колени. Закрыв глаза, он опять представил тот спокойный ласковый взгляд и горячо поблагодарил её – Её – оставленную где-то там, в грязной воронке на нейтральной полосе. В излиянии слов и чувства признательности сквозило не выразимое словами наслаждение, понятное одному ему, и, как он надеялся – ей. Парень мысленно повторял сам себе, что выполнил её последнюю просьбу – закрыл ей глаза. И в благодарность летела она с ним Ангелом Небесным через минное поле...

Эту историю рассказал мой отец, когда мы рассматривали с ним семейные фотографии в альбоме.

- Вот такие же глаза, как на этой фотографии!

Отец, даже заёрзал на стуле, прикрывая ладошкой лицо молодой красивой девушки, оставляя только глаза.

- Это она послала мне спасительницу мою - Муслиму!

- Я трижды сватался к ней, менял сватов, пока её отец Вакиль не поставил нам условия, что согласие получите, если зарплату и наркомовский паёк дочь будет оставлять для их семьи. Моя невеста на тот момент была единственной кормилицей большого семейства отца, работая главным кондуктором по сопровождению грузовых составов на железной дороге. Муслима и я согласились – время было голодное послевоенное, 1948 год...

Мы долго с отцом улыбались, смотрели друг другу в глаза, искоса поглядывая на фотографию моей молодой матушки, которая смотрела на нас спокойным пронизательным взглядом из далёкой молодости.

Юрка Иванов

Аристарх

О бесконечно талантливых людях говорят: «Его при рождении поцеловал Бог». В Аристарха Бог плюнул.

Сложно сказать, что в этой истории правда, и уж тем более никто не помнит, как всё было на самом деле, но было так. Жарким и зыбким летом года 1993-го от рождества Корнелии Лентулы дальняя собака выплонула героя на плавающий под лучами июльского светила перрон Курского вокзала. И не был он ещё никаким Аристархом.

Никто не знал, откуда он пришел; из его путаных и бессовестных излияний цельной картины не складывалось. Хуже того: он и сам смутно представлял, кто он такой. Подпольная жизнь на грани шизофрении, безумные перемещения по стране, в страхе мнимой погони, подкрепленные многомесячным запоем...

Но, как не велика Россия, сколько не отступай от Курка к Кремлю, а непременно попадешь на Арбат.

Примечательно, что на границе света и тени, под неусыпным присмотром Ледовитого океана, где немало сильных и смелых мужчин нашли свою славу и смерть, зачатие Аристарха выглядело просто-таки непорочным. Его мать, женщина видная, овдовела, то ли едва успев, то ли вовсе не успев выйти замуж; Север не слишком церемонится с покорителями.

Малыш получился крепким, пронзительно рыжим и внешне здоровым. А вот голова, как известно, предмет загадочный. И погоняли его (к чему имя?) согласно цветовой дифференциации.

Сильные и смелые мужчины всё менее досаждали смелой родительнице, препоручив заботу о бедной сиротке цивилизации столицы Заполярья. Но как раз ко времени взросления персонажа героическая парадигма воспитательного процесса начала давать сбои, вступила в неравную схватку с развесёлыми альтернативами и вдохновенно проигрывала. Школы, общеобразовательная и музыкальная (да-да, божественная антидотина в действии) не имели не единого шанса против суровой романтики нумерованных микрорайонов, чарующего противотанкового рельефа и заметающей следы позёмки. В условиях сурового климата утончённое звучание кларнета бледно проклёвывалось сквозь грохот металла, рвущегося из тёмных подвалов. К тому же длинная сопливая дудка навзничь проигрывала в уличных схватках дубинообразному

отечественному «Уралу». А полярная ночь звала почему-то к подвигам, воспетым более Северным и Розенбаумом, нежели Лондоном и Кавериним.

И вот, в результате неумоимого противостояния с обществом и здравым смыслом создались условия, наиболее подходящие для встречи совершеннолетия в заведениях малоприятных (впрочем, от мест проживания вовсе не отдалённых). А согласуясь с накопленным анамнезом, и с неременной инициацией.

Но будущий Аристарх, а пока просто Рыжий, не был обычной мелкоуголовной шпаной, в нём сталкивались и бурлили стихии вселенского масштаба. И он рванул. Прямо по шпалам, в единственном существующем направлении железной дороги — на Юг. Навстречу близкой весне и надежде. Да ещё сумев подбить на марш-бросок нескольких своих безумных товарищей, что подтверждает наличие установленного в него при рождении проповеднического сервиса.

Станем полагать, что продвижение банды Рыжего к дальнейшим событиям не было таким уж трагичным, как он сам рассказывал, и происходило чаще посредством различных видов транспорта, нежели ползком, а количество посещённых населённых пунктов несколько меньшим, чем представлялось участникам соревнований. И всё же следует признать операцию, финансируемую исключительно пожертвованиями мирного населения и партизанщиной, по своему выдающейся.

Под девизом «самимынеместные» и анархическим знаменем прошелестела оргалитом весна, усугублялось лето. При движении до низовий Волги и обратно отряд растерял бойцов и распался в схватках с нуждой, садистами-огородниками и прочими рудиментами пребывающего в заметной прострации государства, а его предводитель, теряющий презентабельный облик, но не бодрость духа, совершил наконец необходимую неосторожность. Следуя с попутными панками на текущую «зелёную конференцию», замаскированную под музыкальный фестиваль, Рыжий с пьяных глаз попутал платформы и проснулся уже в Московской губернии.

Арбат тех времён это песня, судорога, поэма. Уже опасно панковский, но местами ещё мило хипповый. Утончённый, brutальный, бритоголовый, лохматый, многоголосый. Криминально-матрёшечный и самодеятельно-музыкальный. Стена Цоя ещё не слишком привычна богеме; по пути в театры боязливо обходят. Иностранцы скупают ушанки за баксы, прикрываются ими от летнего зноя. А на «кирпичиках» демократичное пойло и очередь.

Рыжий моментально оказался в атмосфере родного подвала, и уже через полчаса, не выделяясь среди аборигенов излишней трезвостью, запыливал что-то из Кинга Даймонда на подвернувшейся гитаре.